

АННА НЕКРЫЛОВА

*Русский
традиционный календарь*

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 398
ББК 63.5
Н48

Некрылова А.

Н48 Русский традиционный календарь / Анна Некрылова. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 765 с., ил. — (Серия «Пальмира — история»).

ISBN 978-5-517-09522-0

Книга представляет собой последовательный рассказ о каждом дне года и связанных с ним народных представлениях и обычаях. В них отразились знание Священной истории, церковный календарь, ритм сельскохозяйственных работ и мифологическое мышление русского крестьянина. Публикуемый материал уникален: это описание обрядов и обычаев, приметы, гадания, песни, пословицы и т. д., известные специалистам по записям XIX–XX веков. Издание снабжено справочным аппаратом и адресовано самому широкому кругу читателей.

УДК 398
ББК 63.5

ISBN 978-5-517-09522-0

© Некрылова А. Ф., 2023

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

Русский традиционный календарь

Слово «календарь» восходит к латинскому «calendae» (первый день месяца), а оно, в свою очередь, — к глаголу «calare», что означает «вызывать»: в Древнем Риме обязанностью главного жреца было громкое провозглашение первого дня каждого нового месяца.

Вообще же календари создавались независимо от Древнего Рима, задолго до и после него в разных уголках земли, ибо потребность измерять время возникала у всех народов, как только осознавалась периодичность явлений природы (смена дня и ночи, времен года). Нет нужды доказывать, что упорядоченный счет времени, с одной стороны, — итог длительной эволюции человеческой мысли, наблюдений и опыта, с другой — необходимое условие для дальнейшего развития цивилизации.

Славяне не были исключением. Им тоже пришлось осваивать способы времяисчисления, вырабатывать свой календарь с очень крупными и достаточно мелкими единицами — от понятий «век», «эпоха» до обозначения частей суток (день, ночь, утро, вечер, полдень и пр.).

Славянские народы с древности были земледельцами. Конечно, встречались среди них и превосходные охотники, и отважные рыбаки, которых не пугали стихия и мощь русских рек, северных морей, огромных озер. Немало было на Руси искусных ремесленников и мастеров, гениальных зодчих, иконописцев, музыкантов; славилась наша земля своими первопроходцами, воинами, мудрыми государственными деятелями, великими подвижниками Церкви, создателями произведений устной и письменной словесности и т. д. И все-таки основным занятием восточных славян, и русских в том числе, на протяжении многих столетий было земледелие. Потому культура в целом и основная масса праздников, обрядов носили земледельческий характер, отражали мировоззрение земледельца.

Практически до начала XX века подавляющее большинство русского населения, включая поместных дворян и жителей уездных городов, смотрело на окружающий мир глазами крестьянина, разделяя его точку зрения на природные явления, годовой и суточный циклы, на место и роль человека в космоприродном универсуме, на взаимоотношения людей с миром животных и представителями мира «запредельного» (обитателями «того све-

та» и всякого рода нечистью), почитая «крестьянских» святых и осмысляя праздники церковного календаря с позиций земледельца.

Народный календарь русских складывался постепенно, вбирая в себя накапливаемые веками и поколениями знания природы и закономерностей человеческой жизни, сельскохозяйственный опыт, закреплявшиеся в традиции нормы поведения, обряды и обычаи, богатейшее фольклорное наследие, особое отношение к вещам, в которых видели не только практическую сторону, но и духовное начало. Книга построена на материале XIX—XX веков, наиболее достоверном и собранном в большом количестве. Этот материал убеждает, что крестьянский календарь представлял собой своеобразный дневник и энциклопедию крестьянского быта с его праздниками и буднями.

Жизненный уклад земледельца определялся в первую очередь сменой времен года, поворотными сроками солнечного календаря. Русский аграрный календарь при этом ориентировался не на точные астрономические даты (зимнее и летнее солнцестояния, весеннее и осеннее равноденствия), а на многовековые наблюдения за природными явлениями и на церковные праздники, наиболее близкие к указанным датам.

Важность этих четырех сроков подтверждается тем, что каждый из них у разных народов в разное время мог быть и действительно был днем (периодом в несколько дней), с которого исчислялся Новый год.

С принятием на Руси христианства (988 г.) на исконно земледельческий календарь накладывается система церковного времяисчисления. Жизнь православного населения стала определяться святыми, закрепившими за днями годового круга церковные праздники и даты чествования святых.

Если земледельческий календарь изначально был ориентирован по солнцу, то церковный — по луне. В результате совмещения календарей получилась двойная система отсчета времени, появились праздники «подвижные» и «неподвижные». Основная масса праздников и дней поминания святых строго закреплена за определенными датами, отмечается из года в год в одни и те же дни. Главный же христианский праздник — Светлое Христово Воскресение (Пасха), по традиции, сложившейся еще в Древней Иудее, приходится на разные дни, поскольку вычисляется по весеннему полнолуннию. Состоявшийся в 325 году I Вселенский Собор постановил праздновать Пасху в первое воскресенье, следующее за весенним равноденствием и полнолунием. В зависимости от Пасхи устанавливаются сроки празднования таких больших праздников, как Вербное воскресенье (предшествует Пасхальному), Преполовление (25-й день по Пасхе), Вознесение Господне (40-й день), Троица (50-й день, или 7-е воскресенье после Пасхи), Духов день (понедельник, следующий за Троицей), а также время начала Великого поста (за семь недель до Пасхи), Масленицы и Петровского поста (начинающегося через неделю после Троицы и длящегося до дня памяти святых апостолов Петра и Павла — 12 июля / 29 июня).

Надо сказать, что практически до XVI века на Руси существовало три календаря: гражданский, церковный и народный (аграрный)¹, которые то совпадали, то расходились. В Древней Руси встреча Нового года приходилась на начало марта. С XIV века Церковь пыталась перенести начало года на 1 сентября, но официально (для всех слоев населения) эта дата была узаконена лишь в 1492 году (7000-й год от Сотворения мира).

Спустя два века Петр I обнаружил указ «лета счислять» с января, что привело к любопытному казусу: 1699 год в Российском государстве продол-

жался всего четыре месяца (сентябрь — декабрь). 1700 год, а за ним и новое, XVIII столетие, стали для россиян началом новой эпохи. В силу разных обстоятельств Петр I, переведя стрелки часов и дней на европейское время, принял юлианский календарь, из-за чего к XX веку Россия на 13 суток отстала от Европы, давно перешедшей на более точный — григорианский календарь². Чтобы сократить этот разрыв, в 1918 году декретом Совнаркома был осуществлен переход на григорианский календарь, а в нашу жизнь вошло понятие «нового стиля» и обозначение дат двумя цифрами — «по-новому» и «по-старому» (к примеру, Полтавскую битву мы датируем 8 июля / 26 июня, а революцию 1917 года называем Октябрьской, хотя годовщины ее справлялись 7 ноября, и т. д.).

Вынужденный пересчет времени оказался особенно значимым для народного календаря, поскольку все даты «передвинулись» почти на две недели и нарушилась привычная, когда-то строгая и логически оправданная соотнесенность праздников и дней поминовения святых с определенными датами и с трудовой деятельностью крестьян. Так, многие важные церковные праздники приходились на первые числа месяцев, и с этим связывалось понятие начала, выхода на новые жизненные рубежи, на следующие трудовые циклы. 1 октября (а не 14-го, как это считается теперь) отмечался Покров Пресвятой Богородицы, а с ним — начало зимнего периода, озаменованное целым рядом ритуалов, главная цель которых — правильным, благополучным началом обеспечить дальнейшее течение жизни. Магия начала давала о себе знать и в другие первые числа: 1 марта — день святой Евдокии (по-народному, Авдотьи-весновки) сохранял память о старинном Новом годе, отчего был буквально переполнен приметами, метеорологическими наблюдениями, столь важными для земледельца. Начало месяца освещало особым светом дни Кузьмы и Демьяна (1 июля и 1 ноября — летние и зимние Кузьминки), Семёна-летопроводца (1 сентября, открывавшее прежний Новый год) и т. д.

Двухнедельный сдвиг поневоле внес путаницу в привычную соотнесенность сельскохозяйственных работ с определенными днями церковного месяцеслова, с именами святых, поминаемых в эти дни. Если раньше день Иоанна Богослова приходился на 8 мая, когда начиналась подготовка пашни под сев пшеницы, отчего и сам святой получил прозвание Иван-пшеничник, то по новому стилю — 21 мая — пахота уже завершалась. Перестало оправдывать себя в понятии земледельца и соединение Успения Богородицы с дожинками — окончанием жатвы, поскольку праздник отмечался уже не 15, а 28 августа. Наконец, возникло такое «странное» явление календарной культуры XX века, как двойной Новый год: мы отмечаем его 1 и 14 января. Дело в том, что молодая советская власть не решилась изменить дату Нового года, она — единственная! — оказалась непередвинутой, и год по-прежнему начинается 1 января. Однако это привело к тому, что «новый» Новый год «выпал» из святочного цикла, который открывался (и сейчас открывается) Рождеством Христовым и завершался Крещением Господним. Эти праздники были соответственно перенесены с 25 декабря на 7 января и с 6 на 19 января, так что, отмечая «старый» Новый год, мы поддерживаем древнюю традицию соотнесения его с днем святого Василия Кесарийского, приходящимся прежде на 1 января, а нынче на 14, то есть сохраняем старое расположение Нового года в пределах Святков по отношению к Рождеству и Крещению.

В течение веков менялись не только сроки отсчета Нового года, но и названия месяцев. Современные наименования отразили различные эпохи

и культурные влияния. Прежде всего это заимствованные официальной культурой латинские названия месяцев, часть которых восходит к существовавшему в Древнем Риме счету месяцев с марта: отсюда *сентябрь*, *октябрь*, *ноябрь* и *декабрь*, означающие, соответственно, седьмой, восьмой, девятый и десятый месяцы, что не совпадает с нынешним их порядковым номером в годовом круге. Часть названий месяцев сохраняет посвящение их каким-либо богам римского пантеона: январь — богу Янусу, март — богу войны Марсу, май — богине Майе, июнь — богине Юноне. Июль и август названы в честь знаменитого римского полководца и императора Гая Юлия Цезаря (Кесаря) и императора Октавиана Августа. Этимология февраля и апреля до сих пор вызывает споры: одни исследователи считают, что февраль был посвящен богине Фебрис или богу Фебру, а апрель — Венере-Афродите через этрусский вариант ее имени; другие полагают, что февраль (или слово, от которого произошло это название) обозначал когда-то великую испускительную жертву, совершаемую в конце года, а апрель восходит к латинскому глаголу *aperire* — открывать.

Традиционный русский календарь сохранил народные названия месяцев, многие из которых не нуждаются в переводе на современный язык (январь — *перезимье*, февраль — *бокогрей*, март — *протальник*, апрель — *снегогон*, *цветень*, май — *травник*, июнь — *хлеборост*, июль — *макушка лета*, август — *разносол*, сентябрь — *хмурень*, октябрь — *листопад* или *свадебник*, ноябрь — *полузимник*, декабрь — *студень*), другие же требуют объяснения, поскольку в них нашли отражение традиционные, нынче практически забытые виды деятельности (апрель — *березозол*, потому что в этом месяце заготавливали березовый сок); либо они представляют собой древнерусские или диалектные слова, вышедшие сейчас из употребления (август — *серпень*, от старинного орудия женщин-жниц — серпа; июль — *сенозарник*, *косень*, так как шла заготовка сена; август — *жнивень*, от главного занятия — жатвы; ноябрь назывался *груднем* или *грудным* — от земли, замерзшей грудами, и т. д.).

Как бы ни менялись официальные сроки начала года, народное сознание по-прежнему за основные годовые вехи принимало периоды зимнего и летнего солнцеворотов — время от Спиридоньева дня (25 / 12 декабря) до Рождества Христова и от Аграфены Купальницы (6 июля / 23 июня) до Петрова дня (12 июля / 29 июня); а также середину марта (Сороки — Благовещение) и первую половину сентября. Семён-день, отмечаемый раньше 1 сентября, и в XIX веке сохранял черты, напоминавшие о бывшем сентябрьском Новом годе. Определение этого дня — «Семён-летопроводец» — понималось если не как завершение года, то как очень существенный отрезок в хозяйственной деятельности (проведение и окончание жатвы, пора сбора урожая). Напомним, что слово «лето» имело два значения — «время года» и «год» (ср.: столетие, летоисчисление, летописец).

Приводимый в книге материал показывает, насколько важными представлялись крестьянину эти сроки. Большое количество примет, пословиц, всякого рода запреты и наставления, особые правила поведения, пронизанность обрядами и обрядовым фольклором, игры, пляски, развлечения молодежи, ритуальная пища — такова насыщенность наиболее значимых моментов аграрного года.

Разумеется, крестьяне, придерживаясь сложившейся системы календаря, никогда не абсолютизировали его, ибо хорошо знали — *год на год не приходится* и *календарным теплом сыт не будешь*. Так что святцы служили

скорее надежным ориентиром, чем жестким графиком проведения тех или иных работ в поле, огороде, лесу и т. д.

В определении сроков и продолжительности времен года крестьянин целиком исходил из реальных климатических условий, которые регулировали его трудовую деятельность и хозяйственный быт. Поворотные точки солнечного движения по небесной сфере делили год на четыре примерно равные части, но в сознании земледельца эти отрезки не полностью совпадали с календарными временами года. Для большинства районов России самым длинным сезоном оказывалась зима. «Народ, чутко следивший за изменениями в природе, остро реагирующий на происходящие перемены, практическими мероприятиями откликался на ощутимое наступление зимы. Ему не было дела до того, что по календарю осень длится три месяца. Холод в октябре говорил крестьянину среднерусской и северной полосы о наступлении зимы, об исчезновении солнечного тепла, об омертвлении природы»³.

Осень в крестьянском понимании ограничивалась периодом уборки и обработки урожая — примерно от Ильина дня (2 августа / 20 июля) до Покрова (14 / 1 октября). Собственно лето — это короткое время созревания хлебов: с Ивана Купалы до Ильина дня или до Первого Спаса (14 / 1 августа), реже до Успения Богородицы (28 / 15 августа). Весну призывали в марте, а началом ее считался Егорьев день (6 мая / 23 апреля) — *Егорий весну открывает*.

Помимо четырех годовых сезонов, выделялись переходные, промежуточные периоды: *пролетье* (поздняя весна — раннее лето), *бабье лето* (конец лета — начало осени), *осенины* (середина сентября), *позимье* (начало зимы, обычно октябрь) и др.

В советское время общим местом стало утверждение, что восточнославянский земледельческий календарь сформировался на основе трудовой практики крестьян и «только формально, по отмечаемым именам, связан с церковными святыми. Имена святых подчинились труду и быту крестьянина; иконописные лики христианских житий исчезли, оставшись чуждыми трудовой жизни с ее борьбой за урожай, борьбой, дающей опыт и обеспечивающей существование человека»⁴.

Отчасти это справедливо. Но сведения о жизни, верованиях, мышлении крестьян доказывают, что святцы оказались нужны аграрному календарю, они помогли превратить свод знаний земледельца в стройную и удобную систему времяисчисления. Святцы послужили канвой, в которую легко укладывался практический опыт земледельца и которая естественно вобрала в себя традиционные обряды и праздники.

Русская Церковь, как известно, на протяжении веков боролась с язычеством, прежде всего с обрядами, праздниками и игрищами как наиболее красноречивыми и массовыми проявлениями языческого начала. Однако ни гонения, ни проповеди, ни государевы указы не привели к ожидаемому результату. Старинные обычаи и традиции, отражавшие мифологический, дохристианский взгляд на мир, на землю, на человека, соответствовали практическим и духовным потребностям земледельца и потому не исчезли под натиском христианской религии, а, растворившись в ней, одновременно поглотили ее, образовав нечто новое — бытовое крестьянское православие со своими святыми, праздниками, трудовым ритмом и собственной эстетикой.

Народный календарь, каким он дошел до нас в записях трех предыдущих столетий, демонстрирует такое соединение языческого и христианского

начал, которое правильное было бы назвать слиянием, а не двоеверием. Народное православие не есть механическое соединение двух мировоззрений, когда сравнительно просто вычлениаются элементы языческие и христианские. Перед нами явление, скорее напоминающее необратимую химическую реакцию, где в результате соединения двух веществ получают третье, со своими, только ему присущими свойствами.

Народные (языческие, неофициальные) праздники естественно вбирали в себя церковные или подчинялись им, поскольку, как первые, так и вторые, базировались на сходном миропонимании. Тема жизни и смерти, постоянный переход из одного состояния в другое, возрождение и воскресение через смерть, гибель, сожжение, зарывание — главенствующие темы церковной и народной культур.

Христианские праздники, в свою очередь, относительно легко поддавались бытовому и трудовому осмыслению, ибо большинство из них имело «языческое происхождение». «Разница между обрядами и обычаями, с которыми церковь вела борьбу, и теми, которые она насаждала, есть разница не по существу их исконного значения и смысла», — утверждал В. Я. Пропп. И добавлял: «Русская церковь, запрещавшая Святки, Масленицу, Семику, Купалу и другие праздники, преследовала то мировоззрение, из которого она родилась сама»⁵. Поэтому крестьянину не составляло особого труда перетолковывать церковное учение в желательном для себя смысле. Кстати, подобным образом тот же земледелец поступал и с языческими верованиями, имевшими разное происхождение и разный первоначальный смысл. К этому следует добавить, что вплоть до XX столетия в народ проникало не чистое богословие, не из подлинных и полных церковных книг грамотный крестьянин и даже сельский священник черпали сведения о христианском учении — деревенская Русь довольствовалась обычно пересказами «для народа», адаптированными, упрощенными изданиями. И все же вера глубоко проникла в народ, стала его духовной потребностью. Не было русских городов и сел без храмов, даже в самой маленькой, глухой деревеньке обязательно была часовня. В любом доме передний угол занимали иконы, перед которыми молились, благословляли на брак, при уходе на войну и пр. Трудно переоценить тот вклад в историю, судьбу и культуру России, который внесли монастыри, бесчисленные скиты, пустыни. Из русского православного люда вышли великие подвижники — святители, иноки, мученики, страстотерпцы — просветители, летописцы и историки, богословы, творцы бесценных произведений словесности и поистине божественной музыки, высочайшего русского певческого искусства, стратеги и политики, и главное — предатели пред Богом за Русь, за всех соотечественников.

Русская жизнь немислима без звона колоколов, без икон и зажженных свечей, без молитв и церковных книг, без обиденных и торжественных служб в храмах.

Однако, повторим, крестьянину надо было в первую очередь заботиться об урожае, о здоровье своей семьи и скота, о передаче опыта подрастающему поколению, и все в его буднях и праздниках подчинялось этой главной цели, истолковывалось с точки зрения земледельца. О такой особенности крестьянского ума ярко и правдиво писал еще в XIX веке Глеб Успенский — большой знаток народных обычаев, традиций, нравов. Цикл его очерков под характерным названием «Власть земли» включал и рассказ о земледельческом календаре, где рассматривались народные приметы — прекрасный образец